

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

*Земле, которая однажды затеяла
страшноватую игру в двух сестер,
чьи родители бесследно пропали в лесу.
«Иногда такое в самом деле случается...»*

Загадка:

Что это такое?..
Закопай глубоко,
Навали камней.
Все равно отыщу
Кладбище костей.

Ответ: Память.

ГОСТИ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

секретные дневники Сары Харрисон Ши

(Из предисловия редактора Амелии Ларкин)

Моя любимая тетка Сара Харрисон Ши была жестоко убита зимой 1908 года. Тогда ей был тридцать один год.

Вскоре после этого страшного события я собрала разрозненные страницы ее дневника, какие только сумела отыскать в десятках мудреных тайников в самых разных местах ее старого дома. Несомненно, тетя Сара понимала, какая опасность грозит ей из-за этих записей.

Весь последующий год я занималась тем, что приводила тетины записи в порядок, чтобы издать их в виде книги. Эта идея пришла мне в голову, как только я поняла, насколько сильно эти дневники способны изменить наши представления о том, что мы знаем о жизни и смерти.

Я убеждена, что последние записи — те, которые, по всей вероятности, содержат самые важные и самые сенсационные сведения и секреты, — тетя сделала за считанные часы до смерти. К сожа-

лению, эти страницы мне так и не удалось обнаружить.

Работая над подготовкой к печати этих дневников, я старалась ничего не менять без крайней необходимости. Даже литературной правкой я старалась не злоупотреблять — мне казалось очень важным, чтобы написанный рукой Сары текст дошел до читателей в своем, так сказать, первоизданном виде, и для этого у меня имелась веская причина. Я абсолютно уверена, что, какой бы фантастической ни выглядела рассказанная моей теткой история, это не выдумка и не бред, а подлинные факты.

Хотелось бы особо отметить, что всеобщее убеждение, будто после смерти дочери моя тетка повредилась рассудком, не соответствует истине. Сара Харрисон Ши оставалась в здравом уме и твердой памяти до последнего дня своей жизни, и ее свидетельство заслуживает всяческого доверия.

1908

ГОСТИ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

секретные дневники Сары Харрисон Ши

29 января 1908 г.

Мне было всего девять, когда я впервые увидела «спящего».

Это случилось весной — за несколько месяцев до того, как папа прогнал Тетю и погиб мой брат Джейкоб. Моя старшая сестра Констанс уже не жила с нами: полгода назад она вышла замуж и переехала в Грэнитвилль.

Я гуляла на холме в лесу неподалеку от Чертовых Пальцев, хотя папа строго-настрого запрещал нам с братом ходить туда без взрослых. Листья на деревьях уже распустились, и лес напоминал пронизанный светом зеленый шатер. Солнечные лучи хорошо прогрели землю, и в воздухе густо пахло перегноем и почему-то грибами. Под буками, кленами и березами распускались весенние цветы: триллиумы, кандыки и мои любимые ариземы — небольшие и неброские на вид, они, однако, были «с секретом». Причудливо изогнутый верхний лепесток цветка, нависавший над чашечкой, напоминал капюшон, под которым скрывался «монах» — странноватой

формы пестик. Этот цветок показала мне Тетя, она же научила меня выкапывать съедобные луковицы аризем, которые можно было есть. По вкусу они напоминали репу. Я как раз обнаружила пробившийся сквозь лесную подстилку цветок и уже протянула руку, чтобы сдвинуть капюшончик и увидеть под ним крошечную, смешную фигурку, когда услышала шаги. Мерные, неторопливые, они направлялись в мою сторону. Кто-то тяжело ступал по прошлогодней листве, шуршал ветвями кустов, спотыкался о корни.

Сначала я хотела броситься наутек, но от страха не могла двинуться с места. Всех моих сил хватило лишь на то, чтобы присесть за торчащим из земли большим камнем.

Вовремя. Невысокая фигура вышла из-за деревьев на поляну.

Я узнала ее сразу. Это была Эстер Джемисон.

Эстер умерла от тифа две недели назад. Мы с папой и Джейкобом ходили на похороны, и я сама видела, как гроб с ее телом закопали за церковью на Земляничном лугу. На кладбище были все школьные друзья Эстер, их родители, да и многие учителя тоже — все надели всё самое лучшее, словно это было воскресенье и они собрались на церковную службу.

Отец Эстер, дядя Эрвин, владел в городке магазином «Овес и Упряжь». На похороны он пришел в черном пальто с обтрепанными рукавами. Нос у него был красный и распухший, и он беспрерывно сморкался. Рядом стояла мама Эстер. Миссис Кора Джемисон, хозяйка городской швейной мастерской, была приземистой, полной женщиной. Она то и дело

громко всхлипывала, вытирая слезы белым кружевным платком, и все ее крупное, рыхлое тело сотрясалось от рыданий, как желе.

Я уже несколько раз ходила на похороны, но еще никогда при мне не хоронили никого, кому было бы столько же лет, сколько и мне. Умирили старики — это было обычно и естественно. Чуть реже умирали новорожденные и младенцы, но и это не казалось мне странным, ведь они были такими маленькими и слабыми! Но Эстер... Когда мне сказали, что она умерла, я не поверила, а на похоронах не могла оторвать глаз от гроба, который был как раз такого размера, что в нем вполне могла поместиться девочка моего возраста. Я таращилась на простой деревянный ящик до тех пор, пока у меня не начала кружиться голова. Интересно, спрашивала я себя, каково это — лежать там, внутри?

Должно быть, папа заметил, что со мной творится неладное. Взяв меня за руку, он слегка пожал мои пальцы, а потом привлек к себе, и мне сразу стало легче.

Преподобный Эйерс, который в те годы был совсем молодым человеком, сказал, что Эстер теперь на небесах, с ангелами, и я сразу ему поверила. Наш прежний священник, преподобный Фелпс, был скрюченным, наполовину глухим старикашкой, который изрекал только что-то совершенно непонятное и пугающее насчет греха и «гигиены огненной» (так, во всяком случае, мне слышалось). Речь преподобного Эйерса была намного понятнее. Когда он говорил, сверкая ярко-голубыми глазами, мне казалось, будто каждое его слово обращено только ко мне одной.

«...И до старости вашей Я тот же буду; и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас...»¹

Наверное, впервые в жизни я как следует поняла эти слова Бога, потому что их произнес преподобный Эйерс. Все девочки в школе говорили: с таким голосом он способен обратить самого дьявола.

Из кустов орешника донесся весенний крик трупиала. Встопорщив красные надкрылья, птаха снова и снова выводила свое звонкое «кики-ри-и». Пронзительный крик птицы действовал завораживающе, почти гипнотически; даже преподобный Эйерс ненадолго отвлекся, чтобы посмотреть в ту сторону.

Миссис Джемисон рухнула на колени и зарыдала в голос. Мистер Джемисон попытался ее поднять, но ему не хватило силы.

Я стояла рядом с папой и крепко держала его за руку, пока на гроб бедняжки Эстер со стуком сыпалась земля. Один передний зуб у нее был немного кривым, но это ее совершенно не портило — напротив, многие считали ее на редкость красивой. Эстер была лучшей по математике в классе. На какой-то из моих прошлых дней рождения она подарила мне сложенный вдвое листок плотной бумаги с цветком внутри. Это была засушенная по всем правилам фиалка — совсем как в настоящем гербарии! «Пусть каждый день твоей жизни будет таким же счастливым, как сегодняшний!» — было написано на бумаге четким, сильно наклоненным вправо почерком Эстер. Засушенную фиалку я долго хранила между

---

¹ Исая, 46:4. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

страницами своей Библии, пока она куда-то не подевалась: то ли выпала, то ли просто рассыпалась в пыль.

И вот, через две недели после похорон Эстер, я увидела ее в лесу — ее саму или ее призрак. Но самое страшное заключалось в том, что она тоже увидела, как я прячусь за большим камнем. Никогда мне не забыть появившегося в глазах Эстер выражения испуганного полуузнавания, какое бывает у человека, внезапно разбуженного от глубокого сна.

Это был, конечно, никакой не дух и не призрак, а самый настоящий «спящий». Кто такие «спящие», я знала довольно хорошо — в школе мы даже играли в такую игру: одна девочка ложилась на землю, как будто она умерла, а остальные клали ей на грудь букетики фиалок и незабудок. Потом кто-то из играющих наклонялся к «покойнице» и шептал ей на ухо волшебные слова, после чего та оживала и, вскочив, начинала гоняться за участниками игры. Тот, кто попадался ей первым, становился следующим покойником.

Кажется (но я не уверена), пару раз Эстер Джемисон тоже играла с нами в эту игру.

А еще я не раз слышала разговоры о том, будто скорбящие родственники могут ненадолго вернуть умершего человека из страны мертвых — нужно только знать правильные слова. Это и называлось «разбудить спящего». Я, впрочем, была почти уверена, что это просто страшные сказки, которые старухи любят рассказывать друг другу за штопкой или шитьем, чтобы скоротать время и заодно припугнуть непослушных детей и заставить их возвращаться до-

мой до наступления темноты. Мне, однако, всегда казалось, что Бог никогда бы не допустил подобной мерзости.

Но сейчас я убедилась в обратном.

Меня и Эстер разделяло не больше десяти футов. Я ясно видела, что ее платье испачкано и порвано, мягкие белокурые волосы спутались, и в них застряли комья глины. Землей — сырой, жирной землей — пахло и от самой Эстер, но за этим запахом я различала что-то еще. Это был резкий, неприятный запах разогретого жира и горелой тряпки — примерно так пахнет сальная свеча, когда ее только что задуешь.

Наши взгляды встретились, и я хотела заговорить, хотела назвать подругу по имени, но из моего сжатого судорогой страха горла вырвалось только невнятное шипение:

«Эх-сс-тер...»

В следующее мгновение Эстер повернулась и, словно испуганный кролик, метнулась обратно в чащу. Я проводила ее беспомощным взглядом, крепко вцепившись в поросший лишайником камень всеми десятью пальцами.

Потом на тропе, ведущей из долины к Чертовым Пальцам, появилась еще одна фигура. Какая-то женщина тяжело поднималась по склону, на ходу выкрикивая имя Эстер. Это была ее мать — миссис Кора Джемисон. Увидев меня, она на мгновение остановилась. Ее лицо было красным от напряжения, его искажала гримаса отчаяния. Миссис Джемисон тяжело дышала, ее руки и подбородок были исцарапаны, платок сбился, а в волосах застряли ветки и листва.

«Никому не говори!.. — прошипела она странным, срывающимся голосом. — Никому, слышишь?!»

«Но почему?» — спросила я, выходя из-за камня.

Миссис Джемисон посмотрела на меня, точнее — *сквозь* меня, словно я была закопченным оконным стеклом в кухонном окошке.

«Быть может, когда-нибудь ты тоже будешь любить кого-то без памяти, — сказала она. — И тогда ты поймешь...»

И она побежала дальше — туда, где в лесной чаще исчезла ее воскресшая дочь.

В тот же день я рассказала Тете обо всем, что видела.

«Разве это возможно? — спросила я. — То есть я имею в виду — разве можно *на самом деле* вернуть умершего человека?»

Мы с Тетей гуляли у реки, собирая съедобные завитушки молодого папоротника. Мы делали это каждую весну, и тетина корзина была уже почти полна. Набрав папоротника, мы приносили его домой и варили суп из лесной зелени и трав, которые Тетя собирала по пути. Кроме того, у реки у нас было еще одно дело: мы проверяли бобровые ловушки. Буквально пару дней назад в одну из них попался крупный бобр, и Тетя надеялась поймать еще нескольких. Бобры в наших краях встречались редко, и их шкурки ценились очень высоко. Тетя говорила — когда-то эти зверьки были так же многочисленны, как белки, но трапперы истребили почти всех, а те, кто уцелел, стали очень осторожны.

Патрон тоже был с нами. Низко опустив лобастую голову, он принюхивался к земле, а его насто-